

A woman with long brown hair, wearing a light blue, sleeveless, floor-length dress, stands in a field of purple flowers. She is looking down and holding a small bouquet of purple flowers. The background is a dense forest with tall, thin trees, and the scene is bathed in a soft, golden light, suggesting late afternoon or early morning. The overall mood is romantic and nostalgic.

Ада Ленц

Помню
тебя

Ада Ленц

Помню тебя

<https://litres.ru/73758932>

SelfPub; 2026

Аннотация

Две девушки. Две реальности. Одна загадка.

Аля живёт в мире, где всё идеально. Вика существует в обыденности, пока её не начинают преследовать сны из чужой жизни.

Границы между мирами тоньше, чем кажется. Когда сны становятся реальностью, а реальность — иллюзией, единственный способ спастись — найти друг друга.

Это история о силе воображения, одиночестве и о том, что самый сложный выбор — это выбор между мечтой и реальностью.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ада Ленц

Помню тебя

Часть первая

Аля

«Тот сад, по которому мы бродили когда-то, давно стёрт с лица земли. Пройдут года, столетия. Сменится несколько поколений, поменяется сама жизнь, страна изменится. О нас уж не вспомнят. Кто мы? Лёгкие тени. Мы не принимали участия в громких событиях, не стали творцами или политиками. Мы всего лишь любили бродить вдвоём по нашему дикому заросшему саду.

И вот оно, полузабытое детство, вновь является мне в вечерней дреме. Когда, утомившись от трудного дня, ложишься на веранде и засыпаешь, убаюканная тихим шелестом листвы и мягкими лучами уходящего солнца.

Я возвращаюсь в отчий край, где ивы дремлют над озёрной гладью, где поле расстилается до горизонта, где тишина... где ты ещё со мной...

Кто ты? Всего лишь детдомовский мальчишка, ходивший в наш дом обедать.

Так много лет прошло. Помнишь, как ходили с тобой в школу? Ты был самым маленьким в классе, я самой высокой. Ты носил нелепую шапку-ушанку и давал мне смешные прозвища. Твоя фантазия была неистощима.

Ты любил животных, не мог пройти мимо кошки, не погладив ее. Для бездомных собак собирал остатки со стола, и они бежали за нами до самой школы.

К шестнадцати годам ты очень изменился: стал выше меня на целую голову, твои глаза стали ещё синее, а волосы потемнели. Или мне только кажется, и ты всегда был таким?

Твоя экзотическая внешность пользовалась большим успехом, девчонки висли на тебе гроздьями. Но ты всё равно приходил ко мне, и мы гуляли, гуляли до темноты по заброшенному саду, ветки яблонь над нашими головами сплетались в тёмно-зелёный зонтик, и если шёл дождь, то мы его даже не замечали.

Любил ли ты? Возможно. Только не меня. Зачем же тогда приходил и сидел со мной вечерами на крохотном пенёчке срубленной груши? Мы сидели так близко, я чувствовала тепло твоего тела и мне ужасно хотелось тебя поцеловать».

Аля взглянула на написанное. Светло-фиолетовые чернила на кремовой бумаге придавали словам оттенок старины. Казалось, будто бы их написали давным-давно, ещё до её

рождения. Каждый раз когда Аля брала в руки перьевую ручку и принималась выводить округлые буквы на листах старого альбома, ей казалось, что пишет за неё другая девушка, взрослее и умнее её, шестнадцатилетней.

– Какая ты у меня затейница! – восклицала мама.

– И всё-таки, не погружайся слишком глубоко в свои фантазии, – предупреждал отец. – Иначе совсем потеряешься, перестанешь отличать вымысел от реальности. И что тогда прикажешь с тобой делать?

Он шутил. Конечно же шутил! Вон как улыбаются его глаза! Рта не видно за очередной книгой, которую читает отец, но Аля уверена, что и губы у него изогнуты в улыбке.

И всё-таки было немного обидно, ведь она ничего не выдумывает! Просто не может вспомнить, где именно находится тот старый заросший сад. И что случилось с Никитой, тоже никак не вспоминается. Объяснить некому. За обедом отец очень удивился, когда Аля сказала, что скучает по Никите.

– Кто это? – спросил отец.

– Одноклассник, – ответила Аля. – Разве ты не помнишь? Он приходил к нам обедать.

– Деточка, в твоей школе нет мальчиков, – улыбнулась мама. – Это учреждение для девочек. Мальчики учатся в другом месте.

– Ах, это опять твои фантазии, – вздохнул отец. – Чудесно! Но всё же будь осторожней! Не погружайся слишком глу-

боко.

– Мальчики и девочки в одном классе! Надо же было такое выдумать! – засмеялась мама и добавила смущённо, – это же жутко неприлично!

Мама всегда была немного консервативной. Некоторые, порой самые безобидные, вещи вгоняли её в краску. Она тут же начинала смеяться и махать руками. Но полностью противиться прогрессу мама не могла.

– Не броди одна по закоулкам! – крикнула она вслед убегающей из дома Але (опять не отпросилась! Ну, что за девочка!) – Оправь юбку и причёску поправь!

Аля лишь ненадолго задержалась перед зеркалом в прихожей, быстрым движением поправила выбившиеся из пучка пряди, схватила расшитый бисером кошелёк-мешочек и выскочила на улицу. Лет пять назад пришлось бы дожидаться маму или отца, чтобы чинным неторопливым шагом проследовать в магазин. Какое счастье, что времена меняются, а мамина лень побеждает чопорность. Одной идти куда веселее. Можно даже бежать, пока никто не видит. Какое же это счастье – бегать!

Во дворе стоял Славик и грыз яблоко. Увидев Алю, он замер, сунул надгрызенный плод в ранец, поправил ремень с форменной бляхой и, вытянувшись во все свои полтора метра, сорвал с головы фуражку и поклонился:

– Добрый день, Алевтина! Прекрасный день, не правда ли!

Аля рассмеялась:

– Прекращайте, Вячеслав, двадцать первый век на дворе, а вы полиме компортите.

Славик огляделся, не нашёл ни одного взрослого и сразу расслабился.

– Ничего я не компортью, компорчу... тьфу ты! Этот ваш псевдофранцузский меня убивает. Честное слово, не могут нормально говорить, решили коверкать. И вы туда же!

Аля смутилась. Нелепый жаргон и ей не нравился, но в школе считалось шикарным, когда девушка невзначай бросала псевдофранцузскую фразу. Вроде бы неприлично, но и не откровенная ругань, которую только мужики в глухой деревне и используют. За действительно грубые слова можно было получить наказание, а над псевдофранцузским или псефранцем взрослые только посмеивались, хотя и грозили пальцем, прося больше никогда так не говорить.

Барышни в школе были искренне уверены, что сказанные, будто бы невзначай, при юношах подобные фразы придают им шарма. Вот и у Али вырвалось. Перед кем форсить решила, глупая? Перед четырнадцатилетним гимназистом? Вот смешная!

– Когда книгу напишете, Алевтина? – поинтересовался Славик. – Жуть, как прочитать охота, что вы там навывдумывали.

Меньше всего Але хотелось давать кому-то свои записи, тем более Славику. Знал бы он, что они почти все о любви, а

это, как говорила мама, не очень-то и прилично. Чужой мир, который так увлекал его, был лишь фоном.

– Вот скажите, – не отставал Славик. – Как там в этом вашем выдуманном мире одеваются?

– Вы, Славик, будто барышня. Всё вам наряды интересны. Носят всё, что хотят. Нет никаких правил.

– Что совсем никаких?

– Ни одного. Женщины, к примеру, брюки надевают или шортики. Это такие штанишки выше колен, вроде трусиков у малышей, – объяснила Аля.

– Ой-ёй, – Славик покраснел и прикрыл лицо фуражкой. – Вы это больше никому не рассказывайте, запозорят за такие мысли.

– А у мужчин почти у всех короткие стрижки, – продолжила Аля. – С длинными волосами тоже некоторые ходят, но совсем мало таких.

– Ой, – Славик схватился рукой за жидкий хвостик, который он безуспешно отращивал и который служил причиной многочисленных шуток его более удачливых одноклассников, у которых волосы росли просто на зависть, густые и кудрявые. – Как без волос-то?

– Нормально. Там и женщины стригутся совсем коротко. А у кого длинные, те их распускают и так ходят.

– Безо всяких причёсок?

– Безо всяких!

– Ну, вас, Алевтина, – не выдержал Славик. – Вам видно

голову напекло, раз такую ересь несёте. Ступайте домой да капустный лист к голове приложите, иначе и до беды недалеко.

Славик ещё раз поклонился и быстрым шагом зашагал по улице, подальше от сумасшедшей. Аля показала его спине язык и отправилась в книжную лавку.

В книжной лавке царствовала Маргарита Ивановна. Вдрузив на прилавок пышную грудь, она с упоением читала любовный роман. Маргарите Ивановне с её пышными формами больше подошла бы работа в кондитерской или даже в мясной лавке. Но царство книг и письменных принадлежностей не отпускало.

– Алечка, – пробасила Маргарита Ивановна, отрываясь от книги. – Здравствуй, дорогая! Снова за чернилами?

И достала из ящичка две баночки с фиолетовыми надписями.

– Спасибо, – вежливо сказала Аля. – Я ещё книжки посмотрю.

– Давненько нам что-то ничего нового не привозили, – вздохнула Маргарита Ивановна. – Разве что вечных ручек немного. Не хочешь вечную ручку?

Аля засмеялась. Кто только придумал такое название? Ручки конечно же не были вечными. Просто внутри корпуса находился длинный стержень с чернилами, который при необходимости легко заменялся на точно такой же. Писали вечные ручки не так хорошо, как обычные, перьевые. В шко-

ле они и вовсе были запрещены: мешали красивому почерку.

– А скажи-ка, деточка, в твоей этой книжке, что ты пишешь, есть книжные лавки? – поинтересовалась Маргарита Ивановна.

Але хотелось ответить, что никакой книжки она не пишет. Так, записывает всё подряд, что приходит в голову. Но продавщица всегда очень живо интересовалась выдуманным миром и обижать её не хотелось.

– Там нет книжных лавок, – вздохнула Аля. – В городе точно.

– Как нет! – Маргарита Ивановна схватилась за сердце. – Ни одной? Даже у нас их шесть. Как без книг-то! Что же люди делают? По театрам-то не наездишься, а сидеть просто так скука смертная!

– У них есть такие... – Аля задумалась. – Ну, вроде коробочек плоских, а в них можно смотреть разные истории, ну, как будто в живую. – Она не знала, как точно описать придуманное. – Как живые картинки.

– Вот у тебя воображение! Какое занятное, но всё же без книг-то совсем скучно.

– Согласна!

Аля заплатила за чернила и выбежала на улицу.

– Как не стыдно, барышня, а носитесь словно мальчишка-сорванец! – по тротуару важно вышагивал Сергей Николаевич, учитель словесности. Суровый тон никак не вязался с озорными искорками в глазах и широкой улыбкой.

– Здравствуйте, учитель! – прокричала, быть может, громче приличного Аля. – Погода сегодня чудесная!

– И вам здравия желаю, Алевтина!

Сергей Николаевич исчез за дверью книжной лавки. Интересно, какую книгу он хочет купить? Или ограничится письменными принадлежностями? Аля любила своего учителя, единственного мужчину в их школе. Запрета преподавать у девочек для мужчин-педагогов не было, но всё же на эту должность брали только пожилых или совсем некрасивых, чтобы не вводить в соблазн подрастающих барышень.

Но Аля всё равно умудрилась влюбиться. Не так, как влюбляешься в ровесников, мечтая о поцелуях и страстных словах любви. Её чувство было соткано из уважения и безмерного счастья, что существует такой человек, добрый, умный, благородный, идеальный во всём.

Аля всегда замечала, какую книгу держит на своём столе Сергей Николаевич. Замечала и отыскивала в библиотеке или лавке и ей всегда нравился его выбор. Она жадно листала страницы этих книг, пытаясь хотя бы немного приблизиться к этому удивительному человеку.

«Её звали Таня. Высокая, хрупкая брюнетка с тонкими изогнутыми бровями. Когда я увидела её в первый раз, то не могла оторвать взгляд именно от этих удивительных бровей, пытаясь угадать, настоящие ли они.

Она забрала тебя. Я ждала тебя целую неделю, но ты

так и не пришёл. А я плакала, стоя у зеркала, ведь у меня не было иссиня-чёрных волос, тонкой талии и красивых бровей.

Столько времени прошло, и я не плачу о тебе как прежде. Только кажется иногда, что самый счастливый момент моей жизни давно прожит.

Мне было тогда шестнадцать лет. Я сидела рядом с тобой на крохотном пенёчке срубленной груши, чувствуя тепло твоего тела и мне ужасно хотелось тебя поцеловать».

Вздыхнув, Аля отложила ручку. Ну, вот опять! Что за Татьяна? Вроде бы выдумка, но такая реалистичная, что страшно становится. Аля встала, прошла в ванную, ополоснула лицо холодной водой, взглянула на себя в зеркале.

– Кажется, я схожу с ума, – сказала она своему отражению и улыбнулась.

Вернувшись в комнату, Аля решила продолжить писать, но о чём-нибудь другом, не настолько пугающем.

«Старуха жила на окраине города. В частном секторе. Её дом был последним, сразу за забором начинался лес. Люди редко заходили в этот район, а вот лосей бывало с избытком. Иногда в зарослях леса виднелись лисьи морды. Ни лисы, ни лоси её не пугали. Старуха сама оградилась от общества, а животные хотя бы не лезли туда, куда их не просят: в постороннюю жизнь и в чужую душу.

Звали её Зинаидой. И лет ей было не так уж и много, око-

ло шестидесяти. Некоторые этот возраст и за старость не считают, но выглядела Зинаида намного старше своих лет. Вся согнутая, перекошенная на левую сторону, она походила на Бабу-ягу, по недоразумению оказавшуюся в современном мире. Отличительной особенностью Зинаиды был огромный тюрбан на голове. Внутри него она хранила самые ценные и нужные вещи. Просто удивительно, как её тощая шея выдерживала подобный вес».

– Ещё лучше! – воскликнула Аля. – Тюрбан на голове! Надо же такое выдумать! Всё! Ухожу из писателей! Окончательно и бесповоротно!

И отшвырнула ручку.

– Отчего буйнишь, душа моя? – отец стоял в дверях комнаты. – Могу я войти?

– Конечно можешь! – обрадовалась Аля. Она никогда не любила излишней вежливости. Почему отец не может войти в комнату к дочери? При открытой-то двери? Если бы ей хотелось уединения, она бы непременно закрылась.

Отец был очень красив: высокий, подтянутый, длинные чёрные волосы перевязаны шёлковой лентой. Иногда Аля жалела, что пошла в мать с её блёклыми светло-серыми волосами. И лицо такое же круглое как у матери.

– Могу я присесть?

Ну вот опять! Дурацкий этикет!

– Конечно можешь! Знаешь, – призналась Аля. – Я реши-

ла перестать быть писателем.

– Почему? – улыбнулся отец.

– Мне не нравится то, что я пишу. Ерунда какая-то! И она почему-то сама собой выходит, без всякого обдумывания. А это неправильно, наверное.

Она протянула ему листок с рассказом про старуху. Отец внимательно прочитал строки, а потом сказал:

– Прекрасный отрывок. Знаешь, душа моя, мне кажется, в тебе есть та самая искра, которая отличает обывателя от небожителя. Не смейся над словом «небожитель». Я имел в виду людей, возвышающихся над действительностью, способных раздвинуть её границы. Ты станешь... нет, ты уже есть настоящий писатель.

– Настоящие писатели всё продумывают, – вздохнула Аля. – И только я пишу, что придёт в голову.

– Душа моя, все писатели разные. Неважно, как они пишут. Важно, что у них в итоге получается. А ты вместо того, чтобы чахнуть в доме и предаваться ненужной меланхолии, отправляйся-ка на улицу погулять. Погоды стоят дивные. Грех пропускать. Скоро каникулы закончатся, и засядешь в пыльном классе. Тогда и не погуляешь. Мороженого себе купи непременно.

Отец вложил ей в руку пару монет.

– Папа, слушай, – Аля решила ещё раз его спросить. – Ты и в самом деле не помнишь Никиту?

– Видишь ли, душа моя, – отец нахмурился. – На самом

деле мне кажется, что я помню. Очень смутно, но всё же. Но ведь это же невозможно, правда? Ты не могла учиться вместе с мальчиком да и мама наша клянётся, что никогда он к нам не приходил. А я, ты же знаешь, всегда на службе, откуда мне точно знать? Просто ты так часто говоришь об этом, что я почти поверил, что это правда.

– Наверное ты прав, – вздохнула Аля. – И всё это выдумки, просто глупые выдумки...

– Чудесные фантазии, – поправил её отец, притянул к себе и поцеловал в лоб. – Писательница моя дорогая.

Город, в котором жила Аля был маленьким, за час обойти можно. У главной и едва ли не единственной достопримечательности, городского пруда, Аля и отыскала тайное место, в котором можно было сидеть в одиночестве и думать. Густые кусты надёжно скрывали от посторонних небольшое бревно, но котором так удобно было сидеть.

В этот раз Аля захватила с собой альбом, решив перечитать написанное. Но ей помешали. Тайное место оказалось не таким уж и тайным. На бревне сидела незнакомая девушка.

– Это моё место, – хотела сказать Аля, но вид незнакомки заставил её замолчать. Слишком странно та выглядела. На ней были штаны, похожие на штаны рабочего, очень бедного рабочего, который не может купить себе новые и вынужден ходить в дырявых. Чёрная кофта с короткими рукавами. Такие предназначались для занятий спортом и по улице в них

никто не ходил, засмеют. Волосы у девчонки были совсем короткими. Последний раз такие Аля видела на картинках в учебнике про старые времена, когда люди болели страшными болезнями вроде тифа и их из-за этого брили наголо. Незнакомка словно месяц как выписалась из больницы.

Внезапно Алю пронзила страшная догадка: девушка выглядит точь в точь как человек из придуманного Алей мира. Там тоже носили такие штаны и волосы стригли.

– Ой, мамочки! – воскликнула Аля и шлёпнулась на траву.
– Галлюцинация.

Только этого не хватало! Теперь она и правда сумасшедшая.

– И никакая не галлюцинация, – произнесла девушка и протянула руку. – Я Вика.

Аля осторожно прикоснулась к ладони незнакомки. Горячая. И самая что ни на есть настоящая.

– Но ведь я тебя придумала, – начала она осторожно. – Что ты здесь делаешь?

– Лично я сплю, и это ты мне снишься, – ответила Вика. – Мне часто снятся разные люди. Так что не надо про выдумки и прочее.

– Значит я ненастоящая? – возмутилась Аля. – Ну, уж нет!

– Я сплю! – повторила Вика. – Чего тут непонятного?

– Всё непонятно. Ты только сейчас появилась, а я уже была. Значит, я настоящая!

По дорожке вдоль парка пробежала стайка гомонящих ма-

лышей. Спешащая за ними няня кричала им вслед:

– К воде не подходим!

Дети сразу остановились, замерли и, сбившись в кучку, терпеливо ждали пока подойдёт няня.

– Какие послушные, – удивилась Вика. – Точно сон. В жизни таких не бывает.

– Я поняла! – воскликнула Аля. – Просто ты из другого мира! Из того мира, о котором я пишу. Я его не придумываю, а просто вижу. Вот!

Вика закатила глаза.

– Слушай, давай присядем, – предложила она. – И поговорим нормально. Расскажи о себе и своём, так называемом, мире.

Словосочетание «так называемый» Але не понравилось, но она решила не подавать вида, села рядом с новой знакомой на бревно и начала говорить.

– Меня зовут Алевтина Поленова. Мне шестнадцать лет, и я учусь в городской женской школе. Братьев и сестёр у меня нет. Отец служит в историческом обществе советником первого ранга. Мама там же работает в канцелярии.

– Ясно, – Вика вытянула ноги, зевнула.

– А вот и не спишь! – воскликнула Аля. – невозможно во сне хотеть спать!

– Да скучно просто, говоришь будто личное дело читаешь: не привлекалась, не замечена, не судима. Скукота.

Вика прикрыла глаза. Тишина. Очень странная тишина.

Кузнечики стрекочут, птички поют, детишки визжат у воды.
Но чего-то словно не хватает.

– Стоп! – сказала она. – У вас есть машины?

– Нет, – покачала головой Аля. – А зачем?

– Поехать куда-нибудь.

– У нас маленький город, до всюду можно дойти пешком.

– А если в соседний надо будет?

– Так поезда ходят.

Вика задумалась.

– А электричество у вас есть?

– Есть конечно, – засмеялась Аля.

– Телевизоры? Радио? Компьютеры?

Аля энергично мотала головой.

– Телефоны?

– Телефоны есть. Домашние.

– Всё ясно, – поняла Вика. – Твой мир точно выдумка, или сон. Понимаешь, здесь нет ничего такого, чего бы не было у нас. В то же время ты знаешь о том, что существует в моём мире. Значит, ты мне просто снишься. Вот и всё.

– Нет, не всё! – не сдавалась Аля. – Ты же не всегда спишь, а мы здесь всегда.

– Совсем ты меня запутала! Говорю же, сон. Вот и всё.

Аля закрыла глаза и медленно досчитала до десяти. Говорят, это лучший способ успокоиться. Помогло.

– Знаешь, – начала она и остановилась.

Рядом никого не было. Вика словно испарилась.

Вика

Вика едва разлепила глаза. Во рту пустыня Сахара. Голова чугунная как после попойки. Странно. Вчера ведь и не пила ни капли. Или она чего-то не помнит? Точно! Во всём виноват этот дурацкий сон!

Все сны, которые видела, Вика делила на две категории. Первая — самые обычные, те, которые снятся каждому, слегка нелепые, порой абсурдные. После них просыпаешься отдохнувшей и почти ничего не помнишь. Так, обрывки. Другие — тяжёлые, заливающие голову свинцом, наполняющие усталостью. Открываешь утром глаза и как будто и не спала, а с заката до рассвета вагоны разгружала.

В этих снах всегда были люди: молодые, старые, женщины, мужчины. Одна старушка сидела на лавочке в окружении кустов сирени и вспоминала свою молодость, родительский дом, вокруг которого также цвела сирень. Как хорошо тогда было! Как прекрасно! Старушка улыбалась, а у Вики от запаха цветов начинала болеть голова. Так потом весь день и болела до вечера.

Снился и мальчик, лет пяти. Во рту леденец и кругом тоже конфеты, шоколадки и пряники. Мальчик совал ей в руки сладости и смеялся. Целую неделю после того сна Вика не ела сладкого.

Подобные сны она видела нечасто, раз или два в месяц.

Последний и вовсе был почти полгода назад, и Вика думала, больше их и не будет. Зря надеялась. Такие сны она помнила до мельчайших подробностей. Они всплывали в памяти днём, мешали сосредоточиться на реальной жизни, вызывая приступы мучительной мигрени. Сегодня снова придётся страдать.

Вика вздохнула, пошарила рукой на другой половине кровати. Пусто. Вчера приютила Димона, разрешив поспать на кресле, а он взял и переполз на кровать. Спина у него видите ли болит! И совсем его не волнует, что они уже две недели как расстались.

— Я просто спать, — пробурчал он, укладываясь поудобней. Повернулся спиной к Вике и засопел.

Ей даже смешно стало. Всё-таки трудно серьёзно воспринимать человека, которого все вокруг называют Димонем.

Из кухни несло дошираком. Вика натянула штаны с футболкой и пошла на запах. Димон сидел за столом в кухне и, противно чавкая, поглощал лапшу.

— Ну, и вонища! — возмутилась Вика. — Ты где её взял?

— В шкафу, — Димон пожал плечами. В своём безразмерном худи он выглядел худее, чем на самом деле. Не лучше обстояло дело и с джинсами. Одежда висела на нём как на вешалке. Вика не понимала моды на оверсайз. Пока есть, что показать — нужно показывать, а прятать некрасивое тело станем в старости. Или не станем, если повезёт. Вика не считала себя красавицей, но и уродиной не называла. Обыч-

ная как и девяносто процентов людей на планете. Затеряется в толпе и не отыщешь, потому что вспомнить не сможешь. Но это как раз её вполне устраивало.

— Мазика добавить? — предложила Вика.

— Неа, им только портить.

— Вообще-то майонез всё делает только лучше. С ним и старую подошву сожрёшь.

— А зачем нужно жрать старую подошву? Ну, ты Вик, даёшь! Вечно что-то придумаешь, — Димон расхохотался.

А она вдруг вспомнила маму и её поучения:

— Викуся, выбрось этот жирнящий майонез! Нет ничего лучше, чем растительное масло, оливковое или хотя бы подсолнечное. Нам, женщинам, нужно следить за фигурой.

Вика тогда рассмеялась и сообщила маме, что в растительном масле больше калорий, чем в майонезе. Мама не обиделась, но нашлась, как возразить.

— Зато в майонезе холестерин! Вот! — сказала она.

Выглядело это по-детски смешно и нелепо и даже немного мило. Злиться на маму было невозможно.

Димон тем временем доел лапшу, облизал пластмассовую вилку и бросил её в мусорное ведро вместе с контейнером.

— Ну, я пошёл, — сказал он, надевая кеды.

— Иди, — ответила Вика.

— Ну, пока!

— Пока.

Хлопнула дверь.

«Как просто, — подумала Вика. — Будто и не было никакой любви».

А ведь и правда не было никаких признаний. Просто встретились, просто разошлись.

— Была без радости любовь, разлука будет без печали, — произнесла Вика и замерла.

Это ещё откуда? Стихи? Или поговорка какая? Но откуда она взялась в голове? Тупость какая-то. Не хватало ещё сойти с ума. В тот же самый момент раздался звонок телефона. «Сашка» засветилось на экране.

— Привет, Мегамозг! — ответила Вика. — Ты словно чувствуешь, что мне нужен.

— Нужен, да? — голос в трубке звучал радостно и чересчур возбуждённо. — Ну, всё, Красноухова, дождался наконец! Наконец я тебе нужен. После столько лет...

— Эй, потише, — прервала она его речь. — Ты чего хотел-то?

— Ничего. Так просто. Почувал, что тебе нужен.

Сашка как всегда в своём репертуаре. Терпеть не может сообщения и всегда звонит, не понимая, что иногда его звонок не к месту. Вика знала его всю жизнь. Жили когда-то в соседних подъездах. Сашкины родители не маргиналы и не пьяницы были людьми безалаберными. Вроде бы и работали, но денег в семье никогда не хватало. Сашка и его сестра Лена ходили в одежде с местной барахолки, откуда их мать таскала вещи, замачивала их в ядрёном антисептике, стирала и

гладила. Вид у вещей становился хуже, чем был изначально.

Лена всегда обижалась и плакала, а вот Сашкин весёлый нрав перебить было невозможно. У него в кармане всегда лежал волшебный скотч, которым он чинил всё, что подлежало хоть какой-то починке: лямки у рюкзака, шариковая ручка, подошва стареньких кроссовок, просившая каши.

А ещё Сашка прославился тем, что знал абсолютно всё на свете. Разбуди ночью, спроси, как переводится на тамильский слово «аэропорт», и он ответит, не зная при этом тамильского.

— Дело не в том, что я всё знаю, — признался он однажды. — Просто все вы задаёте слишком простые вопросы.

Так или иначе, но ещё никому не удавалось придумать вопрос, на который Сашка не знал бы ответа.

— Слушай, Мегамозг, — поинтересовалась Вика. — А что это за выражение: «Была без радости любовь, разлука будет без печали»?

— Лермонтов. В толпе друг друга мы узнали, сошлись и разойдемся вновь. Была без радостей любовь, разлука будет без печали, — процитировал Сашка. — Начинается так: Пускай толпа клеймит презреньем наш неразгаданный союз, пускай людским предубежденьем ты лишена семейных уз. Но перед идолами света...

— Всё-всё. Я поняла. Хватит.

Настроение окончательно испортилось. Где она, а где Лермонтов? Она и в школе-то терпеть не могла учить стихи, а

этот, кажется, и не из школьной программы.

— Не ругайся, Краснощёкова, — засмеялся Сашка. — Нам ли быть в печали?

— Краснощёкова уже была, — поправила Вика. — Повторяешься.

— Старею потихоньку, что поделать. Первую двадцатку на днях разменял. А меня кое-кто даже не поздравил. Так, Красноперьева?

— Извини, — буркнула Вика и отключилась.

Больше говорить не хотелось. Хотелось подумать. О Лермонтове, Але из сна и о том, как избавиться от дурацких сновидений, потому что жить так дальше просто невыносимо.

Не успела Вика войти в здание института, как на неё налетела Ксюша. Как всегда излишне весёлая, задыхающаяся от волнения с раскрасневшимися щеками.

— Что опять случилось? — мрачно произнесла Вика. — Тебе подарили цветы? Пригласили на свидание? Признались в любви?

— Круче! — Ксюша даже подпрыгивала от нетерпения. — Майоров сказал, что он рад, что я поеду с ним в лагерь вожатой.

— Так и сказал, — усомнилась Вика. — Точно такими же словами?

— Ну, не такими же. Сказал: «Круто».

— Одно слово?

— Не одно. Ну, что ты меня пытаешь? «Да уж круто!» Так, кажется.

Вика вздохнула, представив интонацию, с которой Витька Майоров произнёс эти слова. Ничего нового. Ксюша вертелась вокруг Витьки, а тот и нагрубить не мог и с трудом переносил присутствие поклонницы. Ксюша и вожатой решила пойти только из-за Витьки. Тот каждый год ездил в лагерь на все смены. Теперь уже, наверное, больше и не поедет. Успокоить Майорова могло только одно: с Ксюшей он учился в разных институтах.

— Надо было и мне поступать в пед, — вздохнула Ксюша. — Мы бы тогда ещё чаще могли видеться. — Но ничего! Главное, что мы живём в одном доме! И чего меня потащило на экономический?

В отличие от подруги Вика точно знала, что, а точнее кто определил её будущую профессию. Когда родители, бабушка, тётя и дядя сплошь экономисты, трудно даже пытаться выбрать иной путь. Аргументы вроде того, что экономистов как и юристов сегодня пруд пруди, и конкуренция среди них очень высока, не принимались.

Если бы у Вики была мечта, то за мечту она бы поборолась, выгрызла бы зубами свою свободу и поступила, куда хотела. Но никаких желаний у Вики не было. Экономический, так экономический. Она даже втянулась, полюбила свою будущую профессию и легко представляла себя на рабочем месте, если бы не одно очень жирное «но»: все её родственники

были не простыми экономистами. Они были учёными. Папа — кандидат наук, мама — доктор, бабушка — целый профессор. Дядя и тётя тоже отметились научными публикациями и наградами. И конечно же все они настойчиво намекали на то, что Вика после окончания института тоже изберёт научную стезю. А вот этого ей как раз очень не хотелось.

— Тебе хорошо, — протянула Ксюша. — Тебя потом предки пристроят, а мне куда? Надо было всё-таки в пед идти. Педагоги всегда требуются. Была бы рядом с Витей!

— Никуда меня не пристроят! — возразила Вика. — Потому что я и сама не хочу пристраиваться. Не нужна мне эта наука.

— Да почему?

— А потому, — Вика подняла вверх указательный палец. — Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо.

— Чего? — не поняла Ксюша.

Действительно, чего? Вика внимательно посмотрела на кончик своего пальца, задумалась.

— Кажется, сегодня мне нужно прогулять, — наконец произнесла она. — Причём срочно, очень срочно.

И не попрощавшись, поспешила прочь из здания. Уже на улице набрала Сашку.

— Слушай, Мегамозг, а это откуда? Теория, мой друг, суха...

— Но зеленеет жизни древо, — подхватил Сашка. — «Фауст» Гёте в переводе Пастернака. В оригинале...

— Не надо, — прошептала Вика. Она никогда не читала «Фауста», даже близко к нему не подходила.

— Слушай, Сашка, — попросила она. — Если однажды у меня окончательно съедет крыша, то проследи, чтобы меня в нормальную дурку отправили, хорошо?

— О, Красноцветова! Видимо и правда что-то серьёзное. Давай пересечёмся, что ли. Расскажешь мне про свою уезжающую крышу.

— Давай, — согласилась Вика. — Только не сегодня. Завтра. Мне нужно хорошо подумать.

— Завтра так завтра, — согласился Сашка. — Только, смотри, держись пока.

— Твоими молитвами.

Сашка потерял дар речи. Потом закашлялся.

— Э, да ты точно не в себе. Какие ещё молитвы? Срочно домой и спать, а завтра поговорим. Сон — это самое лучшее средство от плохого настроения. Мне если плохо, я сразу на диван заваливаюсь. Продрыхну часов пять и как огурчик! Чего и тебе советую.

Вика с грустью подумала, что сон в её случае никакое не лекарство, скорее наоборот.

Аля

Бася, как всегда, подкралась незаметно, обхватила руками за талию, прошипела в ухо:

— Я тебя съем!

И потянулась шутливо к левому Алиному уху. Аля расхохоталась, вывернувшись из объятий и побежала к школе. Бася следом.

— Не догонишь! — кричала Аля.

— Догоню! — возражала Бася.

У школьных ворот остановились, раскрасневшиеся, задыхающиеся от бега. «Как же всё-таки здорово иметь такую подругу, с которой можно дурачиться так словно нам всего по пять лет», — думала Аля.

Бася откинула за спину длинную рыжую косу, поправила школьное платье и попыталась изобразить серьёзное выражение лица, чего у неё, как впрочем и всегда, не вышло.

— Написала что-нибудь за каникулы? — спросила она. — Новые чудеса науки и техники придумала?

— Придумала. Я тебе в классе покажу.

Они дружили всегда, как себя помнили, и в девять лет договорились никогда не здороваться и не прощаться, потому что и приветствия и прощания всегда ставят точки, а их дружба должна быть непрерывной и бесконечной. Про точки никто кроме них не понимал. Аля пыталась объяснить родителям, но те лишь недоумённо пожали плечами, а отец Баси попросил их не распространять это правило на других людей.

— Показывай быстрее! — едва усевшись за парту, попросила Бася.

Аля положила перед ней раскрытый альбом.

— Здорово! — Бася пробежала глазами строчки, она всегда очень быстро читала, и полезла в портфель за карандашами. — Я думаю, что книгу можно будет назвать «Портреты». Ясно и лаконично. С одной стороны небольшой текст, с другой — рисунок.

Бася очень ловко набросала на свободной страничке изображение старой женщины с тюрбаном на голове. Аля поразилась тому, как портрет старухи схож с её собственными представлениями о героине рассказа.

— Вот тут я ещё про одного написала, — сказала она, переворачивая страницу. — Про одного мальчика.

«Все уже давно забыли, что настоящее его имя Коля. Неуклюжий, состоящий, казалось, из нескольких шаров, он получил не слишком обидную, но всё же колючую кличку Медвед. Отсутствие мягкого знака на конце слова ранило ещё сильнее. Как будто он не заслуживал настоящего слова, только его обрубок.»

Над его круглой фигурой смеялись. Его молчаливость принимали за презрение. На самом деле Коля был очень добрым и ранимым человеком. Если бы какой-нибудь режиссёр, взявшийся снимать очередную экранизацию «Войны и мира», взял его на роль Пьера Безухова, то он бы не прогадал. И внешне, и внутренне тот, кого называли Медведем, ничем не отличался от этого книжного героя.»

— Интересно, — задумчиво произнесла Бася. — У тебя опять фантастика получается. Экранизация, что такое?

— Это вроде спектакля, — начала объяснять Аля. — Только он записан.

— Где записан?

— Где-то, — она не знала, как толком объяснить. — Потом его можно много раз смотреть.

— В коробочке специальной, да?

— Ну, не совсем в коробочке...

Бася рассмеялась.

— Нет, подруга, так не пойдёт. Если решишь писать фантастику, то нужно всё до мелочей продумывать. Что за коробочка? Как работает? Или вовсе об этом не писать.

— Ты же знаешь, — вздохнула Аля. — Я ничего не выдумываю. Оно само, но почему-то без подробностей.

— Алевтина! Василиса! — раздался звучный голос классной дамы. — Урок уже начался. На перемене договорите!

Аля едва досидела до конца занятий, хотя ей нравилась и словесность, и латынь, и даже алгебра с её громоздкими формулами. Но ей так хотелось поделиться с Басей последними событиями, что всё тело чесалось. К тому же она совершенно позабыла, что сегодня именно она дежурная по классу, и все перемены вместо того, чтобы общаться с подругой, Аля вытирала доску, поливала цветы и помогала в столовой. Бася не отставала, помогала ей во всём, но говорить спокойно в

таких обстоятельствах не получалось.

По дороге домой разговор отчего-то не клеился. Бася конечно трещала без перерыва, не давая и слова вставить, всё как всегда, но Але и без этого было трудно рассказать о необычной встрече тогда у пруда. Что если Бася посчитает её сумасшедшей? Нет, сумасшедшей не посчитает! Это точно! Просто не поверит, решит, что Вика — всего лишь очередная выдумка. Впрочем, Аля и сама начала сомневаться в реальности произошедшего.

С той встречи прошло уже больше недели, образ девушки с короткой стрижкой начал потихоньку тускнеть, и Аля изо всех сил пыталась его восстановить, а ещё вызвать Вику на новую встречу. Она пыталась залезть ей в голову, предположить, о чём она думает, о чём мечтает, какие читает книги. Но ничего не выходило. Неужели, Вика и правда всего лишь иллюзия, просто очень реальная.

С Басей расстались недалеко от Алиного дома.

— Мне сегодня к тётке Мари ехать, — сообщила Бася. — У неё именины. Придётся посидеть часок, послушать местные сплетни. Надеюсь, вкусный тортик сгладит скуку. Знаешь, эта тётка Мари жуткая зануда, — шепнула она и убежала.

Жившую за городом тётю Баси Аля никогда не видела, но представляла её в виде длинной словно спица дамы средних лет. Такие всегда держат чашку, оттопырив мизинец, потому что считают это проявлением воспитанности, хотя воспи-

танность заключается совсем в другом.

Дома Алю встретила кот Степан. Он сидел на крыльце и невозмутимо намывался.

— Ну, и скажи мне, дорогой мой, — Аля упёрла руки в бока. — Где тебя носило все эти дни? Ах, ты, гулёна!

Степан вздохнул совсем по-человечески и принялся тереться об Алины ноги. На такого разве можно ругаться? В доме Аля наполнила кошачью миску, соорудила себе несколько бутербродов, завернула их в вощёную бумагу и, погладив кота, побежала на пруд. Там уроки делались не в пример веселей, чем дома.

На её тайном месте снова сидела Вика.

— Зашибись! — сказала она, а после добавила слово, от которого у Али покраснели уши. — Мне никогда никто не снится два раза. Поздравляю, ты первая!

— Я не снюсь! — обиделась Аля. — Я просто есть. И ты, пожалуйста, не ругайся!

— А ты нежный цветочек, да? Скажи мне лучше, что такое «теория, мой друг, суха...»

— Но зеленеет жизни древо, — ответила Аля. — «Фауст», Гёте.

— Значит, это ты у меня в голове порылась? — возмутилась Вика. — Я прямо чувствую, как в моём мозгу всё переставляется как ящики на чердаке. Своего ещё понапихала, стихи всякие.

— Я не нарочно. Просто понять тебя хотела и позвать.

— То есть, ты всё-таки думаешь, что ты меня выдумала?

— Нет, — покачала головой Аля. — Я думаю, что мы просто живём в разных мирах, а я могу в твой иногда заглядывать, а ты в мой перемещаться во сне. Здорово, правда?

Вика подумала, что ничего здорового во всём этом нет. Наоборот, дело пахнет сумасшедшим домом. Хотя чего она волнуется? Сон, просто сон.

— Что у тебя за книга, — примирительно спросила она, кивнув на томик в руках у Али.

— В школе задали, — Аля открыла книгу и с выражением прочитала:

— В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

— Это даже я знаю, — засмеялась Вика. — Булгаков. Я только одного понять не могу, откуда у вас «Мастер и Маргарита»? Кто у вас страной правит? Какая форма правления? По виду девятнадцатый век.

— Век у нас двадцать первый, а в стране конституционная монархия.

— И революции не было?

— Какой революции?

— СССР знаешь, что это?

— Что за СССР?

— Ясно.

Вика взяла в руки удивительно тонкую книгу. Листов в неё не хватает, что ли. Полистала: прокуратор, Иешуа, прокуратор, Иудея... А где Москва? Воланд? Бегемот? Вика взглянула на название: «Прокуратор Иудеи». Ясно, что ничего не ясно. Стало жутко и неудобно. Не столько из-за книги, сколько из-за необычной тишины, царящей вокруг. Слегка шелестели ветки кустов, где-то вдалеке чирикали птички. Вот и всё. Ни машин, ни самолётов. Людей и тех нет.

— У вас всегда так мало народа? — спросила Вика.

Аля пожала плечами:

— Разве это мало? Разве толпа лучше? Можно потерять-ся, споткнуться. Тебя могут затоптать.

Она поёжилась.

— Смотри, лучше, что у меня есть.

И достала из сумки альбом. Протянула Вике.

— Это воспоминания из вашего мира. Иногда приходят в голову, а я записываю.

— Забавно! — рассмеялась Вика, прочитав записи. — Эта Зинаида с тюрбаном на голове. Надо же было до такого додуматься!

— Да не в Зинаиде дело! Ты про Никиту прочитала?

— Прочитала. И что?

Аля набрала в грудь побольше воздуха, выдохнула, потом снова вдохнула и наконец решилась:

— Ты должна его найти! Понимаешь, я убеждена, что он

существует и живёт в вашем мире.

Вика с шумом захлопнула альбом. Ей захотелось сказать что-нибудь едкое и остроумное, но у Али было такое умоляющее лицо, что она сдержалась.

— Как ты себе это представляешь? — только и спросила Вика. — Я его найду и притащу к тебе? Да и вообще ты представляешь, сколько человек живёт на земле? Даже если сузить число до русскоговорящих, то это десятки, может даже миллионы человек. Как я его найду? Найду его как? Эй, ты меня слышишь?

Аля слышала, но ответить ничего не успела. Вика снова исчезла, словно в воздухе растворилась.

Вика

В этот раз голова болела чуть меньше, хотя в висках непрерывно стучало. Вика лежала на диване, думая о том, что и сегодня в институт придётся не идти. Ещё и с Сашкой договорилась встретиться. Может, к вечеру боль пройдёт.

Вика окинула взглядом пустую комнату, прислушалась к тишине. Здорово конечно иметь собственную квартиру, доставшуюся в наследство от бабушки, но иногда хочется, чтобы кто-то был рядом, принёс стакан воды, погладил по голове, поцеловал и сказал, что всё пройдёт.

Вика всеми силами старалась быть независимой и самостоятельной, даже устроилась на подработку в продуктовый

магазин. Сначала родители не хотели её отпускать, боялись, что пустится во все тяжкие, загадит квартиру. Вика и правда закатила пару вечеринок, но быстро поняла, что веселиться готовы все, а вот разгрести последствия не хочет никто. Убив целый день на уборку, починку сорванной дверной ручки и свёрнутого смесителя в ванной, оттерев с пола почти все пятна и сняв с люстры чьи-то трусы (смутно помнилось, что это результат игры в фанты), Вика твёрдо решила: никаких вечеринок в её квартире!

Идеальной хозяйкой она всё же не была. Спасало правило: меньше вещей — меньше бардака. Самыми большими её прегрешениями была одежда на стуле у кровати и немытая с вечера посуда. Родители могли спать спокойно.

Позвонила мама.

— Прогуливаешь? — сразу спросила она. И как только она обо всём узнаёт? — Ну, и ладно. Главное, не злоупотребляй. Я вот тоже дома. Зайдёшь?

Вика прислушалась к своей голове. Не шумит, вроде. И молоточки в висках замедлились. Почему бы и не сходить? Всё равно делать нечего.

Дома у родителей всегда работал телевизор. Мама не выносила тишины. Интернет она не любила. Там же такой огромный выбор! Не знаешь, что посмотреть. В итоге целый час выбираешь, а потом и не хочется уже ничего. С телевидением проще: что показывают, то и смотришь. И никаких мучений.

В этот раз местный канал показывал советский фильм про пионеров, иногда прерываемый рекламой городских магазинов и призывами вакцинироваться и проходить диспансеризацию.

Мама безуспешно пыталась накормить Вику морковными котлетами, которые так полезны для организма.

— Наверняка питаешься всякой дрянью, — утверждала она. — Нужно же хоть иногда и полезного съесть.

— Ничего другого у тебя нет? — Вика с отвращением взглянула на котлеты.

— Есть! — радостно провозгласила мама. — Вегетарианские голубцы.

— Спасибо, я лучше котлету съем. Одну!

— Как хочешь.

Вика не могла сказать, что отношения с мамой у неё плохие. Она конечно слегка раздражала своим здоровым образом жизни и непрошенными советами, но они никогда не ругались. Но и секретами не делились. Многое Вика утаивала, боясь маминых переживаний. Так было, когда в девять лет она провалилась под лёд городского пруда. Дело было у самого берега, но Вика пребывала в такой панике, что если бы не случайный прохожий, вытащивший её из воды, она могла бы и захлебнуться. Хорошо ещё, что дома никого не было, и Вике удалось кое-как высушить одежду и сохранить произошедшее в тайне.

— Может, ещё котлетку? — с надеждой спросила мама.

Вика отчаянно замотала головой. Вторая в неё просто не влезет. Мама вздохнула и погладила Вику по голове.

— Я тебе с собой положу вместе с голубцами. И сельдерея немного. Ты же сама не купишь, я знаю. Только не вздумай выкидывать! Поняла?

— Поняла, — теперь уже вздохнула Вика.

Пионеры на экране телевизора тем временем справились со всеми трудностями, что преподнесла им жизнь, и запели весёлую зовущую к новым свершениям песню. Фильм закончился, и на экране возникла румяная круглолицая девушка, призывающая посетить недавно открытую булочную. Её сменили три девушки в белых футболках.

— Даже если кажется, что про тебя все забыли, — начала одна из них.

— Стёрли из памяти и больше не ищут, — продолжила вторая.

— Знай, я помню тебя, — третья девушка сделала шаг вперёд.

— Я помню тебе, — повторили за ней остальные.

— Мы помним тебя! — прозвучало хором. — Знай, что мы никогда не сдадимся и найдём тебя!

— А что если человек не хочет находиться? — задумчиво произнесла мама. — Может, он специально скрылся от всех.

Как оказалось, организация с незатейливым названием «Помню тебя» занималась розыском пропавших. Была она очень маленькой и местечковой, но искала до последнего,

даже тогда, когда сдавалась полиция. Мама объяснила, что в этой организации всего несколько человек. Главная, дочка или племянница директора местного канала, потому их рекламу и показывают время от времени.

На экране замелькали фотографии. Они сменяли друг друга слишком быстро, чтобы можно было опознать изображённых на них людей. Вика и не разглядела лица, но взгляд зацепился за знакомые имя и фамилию: «Алевтина Поленова».

Не может быть. Во рту у Вики пересохло. Кажется, и фотография знакомая. Разглядеть её Вика не успела. Уже дома открыла сайт организации, простой и незатейливый. В разделе «Помним и ждём» отыскала фотографию девушки со светло-русыми волосами, собранными в высокий хвост. Девушка казалась грустной с потухшим взглядом. Лицо более худое и взрослое, но это несомненно была Аля из недавних снов.

«Алевтина Васильевна Поленова ушла в институт из дома утром 17 сентября 20.. года. До института так и не дошла, дома тоже не появилась. Рост 165 см, глаза серые, волосы светло-русые. Была одета в синее платье, тёмно-синюю ветровку. На ногах чёрные туфли на невысоком каблуке. С собой чёрная сумка. Смартфон оставила дома. Сегодня Алевтине двадцать один год».

— Двадцать один, — повторила про себя Вика. — Старше меня. А пропала она два года назад, в девятнадцать. Ин-

тересно.

Интересно и страшно. Может, это игра подсознания? Увидела объявление о пропаже, не обратила внимания, а мозг зафиксировал, чтобы потом выдать таким необычным образом. Вот только разве можно было запомнить не только внешность, пусть даже слегка изменённую, но и имя? Бред какой-то!

С Сашкой встретились на лавочке в парке. Промозглая погода не способствовала прогулкам, и Вика охотней посидела бы в кафе, но пожалела Сашку, у которого не было лишних денег. Он ведь не позволит заплатить за себя из гордости да и саму Вику это смутит. Дело в том, что Сашка копил на квартиру, точнее на первый взнос. Откладывал понемногу и накопил уже приличную, но всё ещё недостаточную, сумму.

Иногда Вике становилось стыдно. Ей-то квартира ни за что досталась. И в институте она учится на бюджете, но если бы вдруг не прошла, то родители непременно бы заплатили за обучение. И вся её попытка самостоятельной жизни не что иное как игра. Спину прикрывают родители, бабушка и дядя с тётёй. Они если что не только накормят, но и лишних денег подкинут, не интересуясь, на что именно она их потратит.

Сашка всегда один. Сам за себя. Не считать же в самом деле опорой безалаберных родителей, которые так и не научились планировать бюджет, и младшую сестру, студентку колледжа. В институт Сашка не попал, на бюджет не хватило баллов. Знаний, скопившихся в его голове, всё-таки было

недостаточно.

— Эх, Корнеев, — вздохнула в тот год его бывшая классная Ирина Вадимовна, узнав о провале. — Как так? Ты же у нас гений.

— Как-то так, — ответил Сашка и улыбнулся. Он ведь никогда не унывал. Поступил в колледж, а после устроился на работу в сервисный центр. Ирина Вадимовна приносила ему сломанный телефон и снова вздыхала:

— Ты же отличник, Корнеев, золотая медаль! Как же так?

— Как-то так, — отвечал Сашка и улыбался.

При знакомстве он гордо заявлял, что работает в IT-сфере. Вику подобное забавляло. Она сразу вспоминала анекдот о женщине, говорившей о тридцати годах работы в авиации. «Уборщица я, аэропорт мою», — добавляла она. Так и Сашке приходилось чинить по большей части бытовые приборы, а не компьютеры с телефонами, но он конечно же не унывал и всегда имел в запасе пару забавных историй про странных клиентов.

— Представляешь, Краснощёкова, — начал он в этот раз.

— Приходит к нам мужик. Просит починить смартфон. А потом протягивает пакетик полиэтиленовый. Он его так в кулачке зажал и перед собой вытянул. А внутри смартфон, только не обычный. Как будто его сначала с двенадцатого этажа на асфальт сбросили, а потом ещё молотком побили со всей комсомольской ненавистью.

— С какой ненавистью? — удивилась Вика.

— Комсомольской. Эх, Краснозобова, как тебя только в институт взяли с такими знаниями, — Сашка укоризненно покачал головой, но глаза его смеялись. — Так вот, починайте, говорит. Он мне дорог как память. Я вроде всё собрал, до последней крошки.

Сашка расхохотался, но почти сразу замолчал.

— Ты чего, Краснощёкова? Случилось что?

Ещё как случилось! Вика собралась с духом и выложила всё, как есть.

— Ну дела, — протянул Сашка и почесал затылок. — Если хочешь знать моё мнение, то у меня два варианта: реалистичный и фантастический. С какого начать?

— Давай с реалистичного, — вздохнула Вика.

— Подсознание. Ты видела объявление о пропаже, не обратила внимания, а мозг информацию усвоил, а потом выдал в виде сна. Может, триггер какой был, вот и всплыло.

— Ты слишком высокого мнения о моём мозге. Не могла я такую историю из ничего воспроизвести.

— Ладно, версия номер два, фантастическая.

Сашка даже с места вскочил, так ему захотелось поделиться своими выводами.

— Представь себе мир, в который попадают потерянные вещи и потерянные люди, одинокие и никому не нужные. Они могут попадать туда случайно, а могут уходить специально, потому что здесь их уже ничего не держит. Вот и Аля твоя ушла. Может, ей здесь плохо было. А там хорошо.

Закапал дождь, мелкий и противный. Вика схватила Сашку за рукав и потянула в кафе. Плевать на все условности. Сама заплатит. Расположились у окна. Сашка, смущаясь, заказал только кофе. Вика из солидарности то же. Официантка шумно выдохнула и закатила глаза.

— А здорово ты придумал про другой мир, — сказала Вика. — Тебе бы книги писать.

— Да я не сам, — Сашка отхлебнул кофе и тут же замахал руками, едва не опрокинув чашку — горячо. — Я в книге одной прочитал у Сесилии Ахерн.

— Ты читал Ахерн? — Вика чуть не поперхнулась. — Это же девчачьи книги!

— Ну, знаешь, когда выбора нет... и почему сразу девчачьи? Книжки они всегда книжки. Я тогда болел, помнишь? Лежал дома, подыхал с тоски. Телефон кнопочный, интернета нет. По телеку всякую фигню показывают. Сеструха в библиотеку ходила и брала себе эту Ахерн и другие, как ты говоришь, девчачьи книжки. Я её просил хоть раз принести Азимова, Брэдбери или хотя бы Лукьяненко, а она тащила своё. Пришлось читать. Кстати, Ахерн среди всех самая адекватная оказалась. Остальное так, сопли, слёзы, сахарная вата.

Но я с ней согласен. В том плане, что есть такое место. А у тебя просто способности туда во сне попадать. Вот и всё. И знаешь что, Красноносова? Я думаю, не надо тебе больше об этой Але думать. Ей здесь наверняка было плохо, а там хорошо. Пусть себе живёт, где ей нравится. А Никиту я бы

попробовал отыскать. Так, ради интереса.

Вика задумалась. В чём-то Сашка прав, но ведь у Али наверняка есть родственники, которые любят, ждут и очень страдают из-за её отсутствия. Нужно побольше о них разузнать, а уже потом что-то делать. И начать следует с организации под названием «Помню тебя».

Славик

Славик ел грушу. Груша оказалась вкусной и очень сочной. Потому и пришлось принять неудобную позу, слегка наклонившись и вытянув шею. Кисть руки неестественно вывернулась, чтобы сладкий сок, стекая, не запачкал форму.

«Нужно было брать яблоко», — промелькнуло в его голове. Тревога усилилась, когда Славик краем глаза заметил барышню Поленову, шагавшую в его сторону. Что за невезуха! Засунуть остаток груши в ранец не было никакой возможности — замучаешься отмывать. Ещё и тетради наверняка придётся переписывать, учебники испортятся, но и представлять в столь глупом виде перед Алевтиной Славику не хотелось. Поэтому он раскрыл рот как можно шире и запихнул в него грушу, запоздало подумав о том, что она была с веточкой. Или не было никакой веточки? Так и подавиться недолго. Судорожно жуя, Славик наблюдал за Алевтиной. Никакой ошибки быть не может. Она целенаправленно шла к нему.

Славик сделал над собой усилие и проглотил остатки груши. Горло неприятно царапнуло. Ветка? Ерунда, как вошло таки и выйдет! Славик захихикал. Алевтина удивлённо приподняла брови, бросила взгляд на его лицо и протянула тонкий батистовый платок с вышитыми в углу инициалами.

— Здравствуйте, Вячеслав!

— Угу, — только и смог выдать он.

Славик кое-как вытер лицо. Пачкать белоснежный платок, обшитый кружевом показалось святотатством. Аля вздохнула.

— У вас есть с собой вода?

Вода конечно же была, в стеклянной бутылке из-под лимонада «Кислинка». Эти бутылки никогда не выбрасывали, сдавали в магазин, а несколько оставляли себе. Этикетка была великолепна: лимонная роща на фоне гор. Но и сама бутылка служила произведением искусства, а широкое горлышко было очень удобно для использования. Одна беда — бутылка тяжеловата, но стоит потаскать её с собой несколько дней, как уже и не чувствуешь лишнего веса.

Аля округлила крышку, смочила платок водой и бережно отёрла Славкин подбородок, отчего Славик покраснел и едва не грохнулся в обморок.

— Руки уж как-нибудь сами ототрёте, — сказала она. — Порселет.

— Опять этот ваш псефранц! — возмутился Славик. — Никакой я не этот самый, не поросёнок!

Аля рассмеялась:

— Я же любя!

— Вот этого не надо, — он едва не задохнулся от смущения. — Насмешничаете, а мне неловко становится.

— Хорошо, — Аля сразу стала серьёзной. — Просто мне нужна ваша помощь. Нужно, чтобы вы поехали со мной в ближайшие каникулы по окрестным городам.

— Почему я?

— Вы всё-таки мужчина.

Славик вытянулся, расправил плечи.

— Да и просить больше некого.

Славик сник.

— Умеете вы, Алевтина, поднять человека в небеса, а после безжалостно скинуть в самую глубокую пропасть, — произнёс он.

— О, да вы философ! — Аля засмеялась. — Но вы мне две вещи скажите: поедете? И, может, на «ты» перейдём?

— Можно и на «ты». Одно мне скажите, скажи, зачем нам ехать?

— Нужно найти одно место, старый сад. Только я не знаю, где он находится и существует ли на самом деле. Просто мне важно знать, насколько правдивы мои истории.

Ночью, лёжа в постели, Славик вспоминал тот разговор. Аля говорила сбивчиво и не всегда понятно. Нужно найти одно место. Она уже попросила кое-кого из другого мира, чтобы тот человек искал там. Но сидеть и ждать не хочет-

ся. Нужно действовать. Можно было бы поехать с Басей, но у Баси отец. От него не скроешься. Он не отпустит.

Славик конечно же сказал «да», потому что не мог отказать. Человек посторонний и ничего не смыслящий в жизни мог бы решить, что Славик любил Алевтину, что было уж совсем неверно. Любил Славик Олю Белохвостикову, хуленькую почти прозрачную девочку из соседнего подъезда. Она всегда заплетала две косы и укладывала их на голове в виде двух баранок, украшенных бантами, в школьные дни белыми, в выходные и каникулы — разноцветными. Оля была молчаливой и тихой словно мышка. Иногда она позволяла Славику нести её портфель, и тогда он воспарял в небеса от безграничного счастья. А когда Оля заводила с ним разговор, он едва не лопался от переполнявшей его радости.

Алевтина другое. Её Славик боготворил. Восхищался ей, как восхищался оперной певицей Тиной Милославской, чей дагеротип висел на стене над письменным столом в его комнате. Тиной невозможно не восхищаться. Темноволосая красавица с пронзительным взглядом и длинными ресницами имела огромное количество поклонников как среди мужчин, так и женщин. Последние если и завидовали её красоте и молодости, то предпочитали держать это при себе. Славик считал, что завидуют, все до одной. Иначе невозможно.

Рядом с изображением Милославской висел дагеротип Елены Разумихиной, актрисы столичного театра. Низенькая, некрасивая с круглым лицом и носом-картошкой, она играла

роли обычных женщин, которых в отличие от героинь Мило-славской можно встретить на соседней улице. Славику было шесть, когда мама привела его на спектакль, а после представления подвела к Разумихиной. Славик застенчиво протянул ей букет, а сама Елена Павловна улыбнулась, присела перед ним на корточки и со всей силой обняла, прижав к своей объёмной груди. Славик почувствовал острый запах пота, но это не оттолкнуло его от Разумихиной. Его поклонение и обожание только возросли, ведь оказалось, что актриса на самом деле настоящая. Настоящая, но всё же иная.

Иной Славику казалась и Алевтина с её историями о другом мире, будоражащими воображение и порой заставляющими краснеть. Жаль, что её дагеротип не купишь в книжной лавке или газетном киоске при вокзале, а сам Славик совершенно не умел рисовать. Если бы ему вздумалось изобразить Алевтину такой, какая она есть на самом деле, у него получился бы смех один, рисоль, дурацкое псефранское словечко, которым барышни так любили дразнить незадачливых кавалеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.